

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДИАЛОГА В КОНЦЕПЦИИ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ М.М. БАХТИНА

И.А. АПОЛЛОНОВ, И.А. ЧИСТИЛИНА

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: obligo@yandex.ru, irina_chistilina@mail.ru*

В статье изложены результаты теоретического осмысления проблемы онтологического статуса диалога в концепции понимания М.М. Бахтина. Суть данной проблемы состоит в поиске мыслителем бытия как некоего исполинского пространства бесконечных вопрошаний и откликов, беспредельного самораскрытия жизни. В проблеме соединения «мира жизни» и «мира культуры».

Показано, что идея диалогичности, открытая русским мыслителем в творчестве Достоевского, имеет под собой глубокие онтологические корни в философии М.М. Бахтина. В работе «К философии поступка» становящийся поток жизни постоянно демонстрирует участно-действенное переживание. Бытие преисполнено «окликнутости». Отсюда прямое движение мысли к идее диалога и полифонизма, ко всей системе иных понятий, которые возникнут при анализе поэтики жанров, эстетики словесного творчества, мира культуры.

Вскрыта близость идей русского мыслителя и западных герменевтов. В работе показано, что диалог в понимании М.М. Бахтина - это и само бытие, и этический закон, и образец идеальной ценности, а также модель языка и социума.

Ключевые слова: онтология, диалог, проблема понимания, герменевтика, «бытие-событие».

В данной статье мы бы хотели остановиться на следующих вопросах: Каким образом М.М. Бахтин «приходит» к категории диалога? Какую роль эта категория играет во всей системе взглядов мыслителя? Что такое вообще диалог по М.М. Бахтину, и чем он отличается, скажем, от западных диалогических концепций?

М.М. Бахтин начинает свой философский путь с работы «К философии поступка» (к сожалению, до нас дошла только лишь ее часть). Именно в ней М.М. Бахтин заявляет о своем намерении построить систему новой онтологии, основание которой - категория поступка [3]. Интуиция идеи диалога была логическим завершением тех задач, которые решались М.М. Бахтиным в его первом трактате.

Труд М.М. Бахтина «К философии поступка», воссоздает панораму мировоззренческих исканий начала XX века. В истории европейской мысли

второй половины XIX - начала XX в. М.М. Бахтин определял противостояние двух линий развития. Одну линию представляло баденское неокантианство: так, Виндельбанд считал, что культура есть не что иное, как трансцендентальный синтез, осуществленный сознанием по отношению к эмпирическому материалу. Риккерт провозглашал мир культурных ценностей, о которых нельзя сказать, что они существуют, но только «значат».

Другая линия - это так называемая философия жизни, восходящая к Ф. Ницше, разные варианты которой были разработаны В. Дильтеем, Г. Зиммелем, А. Бергсоном. Философия жизни, настроенная против рассудочного и какого угодно иного овеществления мира, с ориентацией на действительность актуальную и конкретную, в принципе, достаточно близка Бахтину. Отметим также, что с философией жизни преемственно связаны интуиции экзистенциализма, достаточно сильные и у М.М. Бахтина. Но М.М. Бахтин действительно высоко ценил «мир культуры» не менее чем «мир жизни», «в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем» [3, с. 82].

Одну из основных философских проблем М.М. Бахтин увидел в том, что в современной ему научной ситуации эти миры несообщаемы. «...Нет принципа для включения и приобщения значимого мира теории и теоретической культуры единственному бытию-событию жизни» [3, с. 96]. Найти такой «принцип» и соединить - в радикально новой «первой философии» - культуру и жизнь, ценность и событийность бытия Бахтин поставил своей целью в 20-е годы.

Философия М.М. Бахтина развивалась под знаком преодоления данного разрыва; потому, не совсем правомерно считать ее чистой культурологией. Именно так, в культурологическом свете, видит творчество М.М. Бахтина В. С. Библер [7]. Исследователь полагает, что плодом творческого пути М.М. Бахтина была созданная в его книгах «поэтика культуры».

М.М. Бахтин шел не от «культуры», но от «бытия», культуру же хотел видеть в бытии и искал условия такой бытийственной культуры. Культурологический крен новейшего сознания, о котором пишет Библер [8],

М.М. Бахтину как раз хотелось преодолеть. И потому если его воззрения - культурология, то в той же мере и онтология.

Как выше мы уже отметили, за точку отсчета своей философии М.М. Бахтин взял категорию нравственного деяния, поступка: «бытие-событие» - это поступок. У поступка две стороны: во-первых, сам факт его свершения - экзистенциальный, бытийственный его аспект, делающий поступок моментом жизни. Во-вторых, цель поступка, его смысл, его творческий результат, соответствующий создаваемой поступком ценности. И кризис современного М.М. Бахтину сознания мыслитель возводит к «кризису современного поступка»: «...образовалась бездна между мотивом поступка и его продуктом», - то есть между микроэлементами жизни и культуры, - и «вследствие этого завял и продукт» [3, с. 123]. «Все силы ответственного свершения уходят в автономную область культуры», поступок обесценивается, - что, по М.М. Бахтину, и есть «состояние цивилизации». «Мы вызвали призрак объективной культуры, который не умеем заковать» [3, с. 126].

Соединяет полюса поступка идея «ответственности»: если взять поступок изнутри, пишет М.М. Бахтин, то «ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения» [3, с. 103] в ответственности М.М. Бахтиным усматриваются «единый план и единый принцип» поступка. Именно в поступке научная ценность приобщается жизни, поскольку познавательный акт как мой поступок включается со всем своим содержанием в единство моей ответственности. Практически тоже он напишет позже о приобщенности искусства к жизни: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [1, с. 8].

«Действительный мир», «единое-единственное бытие-событие» состоит из конкретно-индивидуальных, неповторимых миров «действительно поступающих сознаний». Основные моменты построения этого мира - «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого»; все ценности действительной жизни. По М.М. Бахтину задача «нравственной философии» заключается в описании «архитектоники действительного мира поступка». Вообще термин

«архитектоника» в архитектуре означает органическое сочетание частей в единое целое. Бытие, считает М.М. Бахтин организовано архитектурно. Архитектоника в его концепции представляет собой сосуществование и взаимодействие множества ответственно поступающих личностных центров. Однако лишь поставив себе данную онтологическую цель, М.М. Бахтин оставляет мир «действительный» и начинает анализировать «архитектонику» миров художественных. Сам М.М. Бахтин объясняет этот переход от действительности к художественному миру нуждой в предварительном шаге к собственно онтологии. «Чтобы дать предварительное понятие о возможности такой конкретной ценностной архитектоники (архитектонике действительного мира), мы дадим здесь анализ мира эстетического видения - мира искусства, который своей конкретностью и проникнутостью эмоционально-волевым тоном из всех культурно-отвлеченных миров (в их изоляции) ближе к единому и единственному миру поступка. Он и поможет нам подойти к пониманию архитектурного строения действительного мира-события» [3, с. 128]. Таким образом, художественный мир призван сыграть роль модели для мира действительного.

Но все дело в том, что к «действительному» миру М.М. Бахтин уже никогда не вернулся. Это оказалось ненужным, так как для Бахтина художественный мир - это не только художественный вымысел, не только то, что принято относить к идеальной области, сфере воображения художника; он обладает какой-то долей подлинной бытийственности.

Можно в этом моменте бахтинские построения счесть за мистику, однако Бахтин реалист и прозаик, как верно отмечают американские исследователи [14]. «Герой» в эстетике М.М. Бахтина представлен как фигура пограничная: «содержание» его есть начало «жизненное», «бытийственное», тогда как «форма» - именно то, что вводит героя в мир эстетических ценностей. Автор преднаходит героя в событийности действительного бытия; этот бытийственный аспект героя - не что иное, как его содержательная сторона. И это принадлежащее бытию содержание автор «осеняет» формой, выполняющей

изолирующую функцию, возникший в осмысленном творческом акте художественный образ оказывается отделенным от действительности и принадлежит эстетической сфере.

М.М. Бахтин ничего не говорит о вымысле, об изведении из себя, продуцировании художником каких бы то ни было сторон героя - будь то моменты формы или содержания. Сама по себе авторское положение по отношению к герою и сопряженный с нею «избыток видения» являются не только необходимыми, но и достаточными предпосылками для «завершающей», формообразующей «активности» автора. Уже в самый первый миг своего творчества автор имеет перед собой, так сказать, зародыш героя, то «жизненное» зерно, которое должно быть скульптивировано авторской творческой деятельностью и стать образом героя. И деятельность эта - как она представлена в трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» - есть не что иное, как созерцание героя с авторской позиции венаходимости, - созерцание в пространстве «тела» героя и во времени - его «души».

Иначе же можно сказать, что, желая с самого начала соединить «мир культуры» и «мир жизни», М.М. Бахтин нашел то событие, где подобное соединение имеет место. Такой частицей является герой художественного произведения, взятый в единстве его формы и содержания. М.М. Бахтин взял художественное произведение - культурную ценность - и представил его как событие в лицах, где основные участники - автор и герой. Герой - носитель трансцендентных ценностей, представитель «мира культуры» приобщается к жизни через ответственность автора - художника. Характер равновесия в динамике отношения «автор-герой» различен в различных художественных системах.

Художественная форма, по М.М. Бахтину, «парализует жизнь». Художественный образ - это единство формы и содержания, причем форма представляет собой собственно эстетический или мертвящий момент в нем, тогда как содержание - искра жизни, одушевляющая его и приобщающая к действительности. Итак, в «герое» непременно наличествуют эти два начала,

причем «мертвящий» аспект формы связан с «властью» автора над героем. Власть эта - не что иное, как архитектурная, обусловленная фактом вневременности возможность для автора «завершить» героя. И герой стремится «высвободиться» из-под власти автора: зерно жизни, само бытие в герое хочет развиваться по своим собственным имманентным законам, а не подчиняться воле автора, «мертвящей» силе формы. В герое совершенно реально борются жизнь и смерть, дух и вещь: «мертвость» формы, по М.М. Бахтину, иначе может быть понята как ее «вещность».

Итак, творческий процесс - создание героя автором - или же архитектурную природу художественного произведения Бахтин изображает с помощью мифологемы любовной борьбы. Эти «отношения» могут иметь различную окраску, «победа» может быть как на одной, так и на другой стороне, в идеальном же случае может быть достигнуто равновесие - автор и герой окажутся полностью равноправными. Такие отношения можно назвать диалогизированными. Наиболее «диалогизированными» они оказываются в «романтическом характере»: романтический герой «самочинен и ценностно инициативен», в значительной степени независим от автора, поскольку осуществляет некую необходимую правду жизни, некий прообраз свой, замысел о нем Бога, - по причине этой самостоятельности героя автор начинает ждать от героя откровений. И если романтический герой, столь сильно связанный с бытием, все же являет собой художественную ценность, то правомерно, по Бахтину, назвать ее «ценностью идеи», подчеркивая этим платоновским термином ее как бы объективность, жизненность. Термин «идея» Бахтин в книге о Достоевском [6] прилагает к героям Достоевского; и как часто подчеркивал Бахтин, самыми близкими предшественниками Достоевского были романтики. Бахтинское представление о романтическом характере служит в развитии философии мыслителя переходным звеном к диалогической «поэтике Достоевского».

Итак, в «романтическом герое» уже очень сильно жизненное начало: он не просто «личность», но при этом выражает «правду жизни» и, более того,

некий замысел Бога. Подчеркнем: герой этот подчиняется не столько авторской воле (хотя и ей тоже), сколько, по Бахтину, воле Бога, приобщаясь тем самым - хочется сказать, «объективному» порядку вещей, поскольку в этой точке Бахтин очень сильно сближается с метафизикой В. Соловьева, - но скажем все же - событийному строю реальной действительности, «нравственному бытию».

К своей цели - объединению ценности и жизни на равных правах - М.М. Бахтин подходит в своей концепции романа Достоевского. Мир Достоевского - «большой» романский диалог, в котором главным структурным элементом является равноправное диалогическое общение автора и героя-«идеолога». Герой в его свободе от автора онтологически приравнен М.М. Бахтиным к автору, принадлежит тому же уровню бытия, что и автор-творец. И, главное, автор относится к герою не «эстетически», ибо он не «завершает» его «идеи», его «духа», но относится «этически», видя в нем абсолютно полноправную личность. И этот художественный мир онтологически равен действительному миру в бахтинском понимании, этот художественный мир - не что иное, как нравственное «бытие-событие». Вся суть в особенной жизненности мира Достоевского; он обладает подлинной реальностью, бытием в буквальном смысле.

Диалог - это событие не эстетическое, но этическое; и в «большом» диалоге, состоящем из диалогов частных, - в романном мире (если взять его духовный аспект) нет эстетизации как создания «завершающей», «овеществляющей» формы. В диалоге участвуют два равноправных духа, - дух же, по М.М. Бахтину, завершить невозможно. В книге о Достоевском представлена диалогическая философия М.М. Бахтина - философия духа, который, по Бахтину, имеет диалогическую природу. Она же - учение об этическом бытии. И она же - теория идеальной ценности, не оторванной от своих бытийственных корней, созданной при полном понимании Достоевским своей авторской - «эстетической» ответственности. Иными словами, мир Достоевского принадлежит области наиболее совершенной культуры - культуры, не отчужденной от своего творческого истока, а потому пронизанной

жизненной энергией, не «застывшей», не «парализованной» силами, чуждыми живому бытию. Именно поэтому так привлекательны казалось бы исключительно литературоведческие труды М.М. Бахтина: складывается впечатление, что он рассуждает о реальных людях. Этот факт иногда пытаются объяснить тем, что мыслитель не мог, открыто выражать свои мысли в виду существовавшей цензуры [10, с. 102 - 118], однако мы считаем, он именно онтологизировал художественный мир.

Таким образом, идея диалогичности, открытая русским мыслителем в творчестве Достоевского, имеет под собой глубокие онтологические корни в философии М.М. Бахтина. В работе «К философии поступка» становящийся поток жизни постоянно демонстрирует участно-действенное переживание. Бытие преисполнено «окликнутости». Отсюда прямое движение мысли к идее диалога и полифонизма, ко всей системе иных понятий, которые возникнут при анализе поэтики жанров, эстетики словесного творчества, мира культуры. Бытие есть, следовательно, некое исполинское пространство бесконечных вопрошаний и откликов, беспредельного самораскрытия жизни.

Так что же такое диалог, по М.М. Бахтину? Какое отношение он имеет к проблеме понимания? В этих вопросах прослеживается глубокая связь бахтинской мысли с философской герменевтикой. Выше мы постарались показать, как видоизменялась категория бытия: от нравственного бытия-поступка [3] совершается переход к «эстетическому» бытию [4], а от него - к реальному в полной мере бытию-диалогу [1]. Диалог в понимании М.М. Бахтина - это и само бытие, и этический закон, и образец идеальной ценности, а также модель языка и социума.

В знаменитых бахтинских работах 30-х годов о романе мир выступает как языковой мир, языковая действительность, человек заменяется «образом языка». И мир, каким он представлен в этих бахтинских трудах, уже никак не «Божий мир», но мир, о котором можно сказать лишь то, что он «оговоренный» и при этом без умолку говорящий. «Архитектоническая» действительность в понимании М.М. Бахтина - это «бытие-событие» его «первой философии»,

которое представляет собой существование «поступающих» личностей. Романый же мир распадается на образы языков, связанных между собою и с автором своеобразными диалогическими отношениями.

В XX веке в философии наблюдается примечательное явление - сближение такого основополагающего понятия, как бытие, с языком. Философы, задумавшиеся в XX веке о проблеме бытия, ощущают некую коррелятивность бытия и языка и строят свои системы в поле напряжения между данными категориями. В XX веке - когда «мир» почти целиком оказался сведенным к миру культуры, очеловеченному или еще подлежащему освоению миру - «просто философия» все чаще и чаще поворачивается в сторону «философии языка». Язык, двойник культуры, таинственным образом выходящий при этом за ее пределы, приподнятый над только-человеческой реальностью начинает переживаться в качестве самого бытия. Достичь нового философского синтеза уже в сфере языка - соединить субъект и объект, человека и мир, культуру и бытие, преодолеть, наконец, разрыв, возникший после «коперниковского» переворота И. Канта, - такова внутренняя цель «филологизации» онтологии.

К данному типу философствования принадлежат воззрения М. Хайдеггера, - едва ли не центральной для философии XX века фигуры. Соединив «бытие» со «временем», Хайдеггер с помощью виртуозной диалектики и точных образов соотнес бытие и язык: «Язык есть осуществляемый бытием и пронизанный его строем дом бытия» [13, с. 325].

Также сюда мы можем отнести разного типа западных диалогистов: Ф. Розенцвейга - автора религиозно-философского труда «Звезда спасения», Ф. Эбнера с его философскими фрагментами, М. Бубера и его сочинение «Я и Ты» [9;12]. Их объединяет опора в своих построениях, на такие категории, как «бытие», «дух», «диалог», «язык».

Во всех этих системах в онтологию в качестве одной из центральных категорий возведен язык: «диалог» понят буквально, как разговор, - бытие оказывается диалогизированной речью, в определенном смысле (у всех

мыслителей по-разному) предшествующей ее субъектам. Актуально существующие «я» и «ты» возникают в этой речи, у речи же есть «несказанный» - внеязыковой, метафизический «исток», - и этот «исток» - Бог. Человеческий диалог у религиозных диалогистов оказывается, в конце концов, порожденным Богом, и Бог же - необходимый третий его «участник». Неслучайно мы останавливаемся на западных создателях «диалогического мышления». Даже самый беглый и общий очерк их взглядов позволяет увидеть принадлежность М.М. Бахтина к тому же философскому типу. При этом с «бытием» в понимании Бахтина произошло две вещи: во-первых, бахтинский персонализм 20-х годов исчез, уступив место социальному пафосу, а во-вторых, произошла трансформация экзистенциально-духовных категорий в языковые. Всякий жизненный предмет, по М.М. Бахтину 30-х годов, дан человеку не непосредственно, но в плотной оболочке из тех слов и оценок, которые были отнесены к предмету ранее. Когда предмет попадает в поле зрения романиста, он «уже оговорен, оспорен, оценен». И романист никогда не пробивается к предмету, как таковому: «слово» автора встречается со «словами», окутывающими предмет, и вступает с ними в диалогические отношения. «...Нельзя творить непосредственно в Божьем мире» [4, с. 224], - заявил Бахтин уже в «Авторе и герое...»; в 30-е годы это означает для М.М. Бахтина, что творить можно только в мире социального разноречия.

Всякое внехудожественное прозаическое слово - бытовое, риторическое, научное - не может не ориентироваться в «уже сказанном», «известном», в «общем мнении» и т. п. Диалогическая ориентация слова - явление, свойственное, конечно, всякому слову. Это - естественная установка всякого живого слова. Однако в то же время М.М. Бахтин пишет: «Диалогические отношения предполагают язык, но в системе языка их нет» [5, с. 316]. Бахтинский диалогизм начинался отнюдь не с осмысления обычного разговора, и потому «диалог» книги о Достоевском - это не обобщенный разговор, как в случае, например, Розенцвейга, онтологизировавшего смену реплик, развитие беседы во времени. Диалогизм Бахтина в собственном смысле, представленный

книгой о Достоевском 1929 года, имеет свою специфическую преддиалогическую фазу, то есть его учение о бытии-событии, которое определило особенности бахтинского «диалога», - и, в частности, роль языка в диалогическом бытии, по М.М. Бахтину. М.М. Бахтин формирует идею диалогической онтологии без отделения ее от идеи «эстетики словесного творчества» - вот тот момент, который обеспечивает М.М. Бахтину его собственное, законное, так сказать, место в кругу западных диалогистов. Ни у одного из диалогистов нельзя обнаружить такого тесного сращения диалогического экзистенциализма с эстетикой, а тем более - с литературоведением. Рассмотреть всерьез художественный, созданный к тому же средствами слова, мир в качестве мира действительного, понять творчество писателя как реальное общение с реальными персонажами - такими же реальными, как автор, или стремящимися обрести подобную реальность, - это не приходило в голову ни одному из диалогистов.

М.М. Бахтин, будучи учеником Александра Ивановича Введенского, эстетизирует проблему «чужого Я», которая так мучила его учителя-кантианца. Он решает ее в художественном мире, где «чужое Я» - «герой», созерцаемый глазами «автора». И к проблеме «Я», как такового, он движется очень медленно, шаг за шагом, досконально продумывая попутно, каким вообще со стороны видится другой человек. Можно созерцательно охватить и изобразить тело, даже душу другого, - но это не будет означать видения, познания чужого Я - духовного, свободного начала личности; такова «мораль» «Автора и героя...». Личность же раскрывает себя лишь в этическом событии, чтобы показать личность, дух «героя» средствами искусства, автор должен отнестись к нему как к живому человеку. Тут нужны какие-то совершенно особые художественные средства, и они, по М.М. Бахтину, были открыты Достоевским. «Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетического созерцания, сумел увидеть дух так, как до него умели видеть только тело и душу человека» [6, с. 313]. Именно в этом, по М.М. Бахтину, суть «поэтики» полифонического романа.

«Диалог» у М.М. Бахтина - это духовное бытие, дух как таковой. Буквально та же интуиция присутствует в «пневматологии» Эбнера [12], равно как и в прочих разновидностях диалогизма. Но в отличие от них, «диалог» в системе М.М. Бахтина - это не разговор, даже и обобщенный, - который, собственно, и есть актуализированный язык.

«Диалог» М.М. Бахтина, - скорее, метафора этического отношения. Этического в смысле «второй формулировки» кантовского императива, то есть в нравственном поступке Другой всегда должен быть целью и никогда средством. Диалогическая философия М.М. Бахтина, неотделимая от концепции творчества Достоевского, есть не что иное, как искомая им «нравственная философия», «философия поступка», объединяющая культуру и жизнь. Этическое учение такого рода в принципе отнюдь не нуждается в привлечении языка. «Диалог», как он осмыслен в книге о Достоевском, имеет все же в некотором роде «надмирный» характер, - принадлежит хотя и не трансцендентной сфере (отсутствующей в философии М.М. Бахтина вообще), но области трансцендентальных смыслов, то есть области добра, правды и красоты, приподнятой над временным потоком. Вспомним, что «речь» западных диалогистов порождает «время», является почти синонимом «времени». В противоположность этому бахтинский диалог - противостояние двух «я», «чистое отношение человека к человеку» [6, с. 357] - происходит в своеобразно понятой вечности. М.М. Бахтин утверждает, что художественное мышление Достоевского нечувствительно ко времени: «Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [6, с. 38]. «Пространство» же, разумеется, - это пространство смысловое, идейное, «духовное»: содержание романов Достоевского «может быть перенесено и в вечность, ибо в вечности, по Достоевскому, все одновременно, все сосуществует» [6, с. 39]. Дело еще в том, что язык обладает «овеществляющей», субстанциализирующей силой. Это остро чувствовал, например, Мартин Бубер, заметивший, что всякое словесное

суждение, всякое высказывание «ввергает» отношение Я - Ты в мир Оно, в вещественный мир. Именно субстанциональное бытие, которое «есть», - объект философской борьбы М.М. Бахтина; философской весомостью в его глазах обладает лишь «бытие-событие», «бытие-отношение».

Таким образом, диалог у М.М. Бахтина - это смысловые отношения между всякими высказываниями в речевом общении. Поэтому, диалог, прежде всего, - это встреча двух личностей, двух смысловых позиций. Понятен этический накал проблемы диалога - это всегда идеальная высота человеческих отношений. Ведь диалога может и не получиться, так как «диалогичность - это активность познающего и активность открывающегося» [4, с. 227].

Диалог у М.М. Бахтина - это общение, в котором человека интересует лишь его партнер с точки зрения его внутреннего духовного мира (религиозные отношения и чувство всепоглощающей любви). Тогда как в западной герменевтике (эта традиция ведется еще от Платона), диалог выступает в роли условия, в котором разворачивается сам логос, тема, предмет мышления. Согласно Х.-Г. Гадамеру диалог осуществляется в рамках «общего предмета» [11, с. 432], т. е. собеседников, конечно, волнует точка зрения «Другого», но только в смысле направленности этого взгляда на предмет разговора. Сам собеседник важен постольку, поскольку он помогает развернуться истине, общим понятиям. В концепции же М.М. Бахтина диалог понят, прежде всего, как встреча двух личностей, в которой предмет диалога - лишь повод к общению, к пониманию. Так он фиксирует в своих записях, что коммуникация, общение, встреча могут выступать «как высший момент понимания» [1, с. 366].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985. М., 1986.
4. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук. // Бахтин

М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

5. Бахтин М.М. Проблема текста. // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

7. Библер В.С. Бахтин и всеобщность гуманитарного мышления (в каком «речевом жанре» мыслит М.М. Бахтин) // Механизмы культуры. М., 1990.

8. Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура: (Идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. М., 1989. С. 21-59.

9. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.

10. Волкова Е.В., Оруджаева С.З. Тона и обертона серьезного в философии М. Бахтина. // Вопросы философии М., 2000, № 1. С. 102-118.

11. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. М., 1988.

12. Махлин В. Л. Я и Другой (истоки философии «диалога» XX века). СПб., 1995, с. 115-128.

13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1995.

14. Gary Saul Morson and Caril Emerson. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics Stanford III (Calif.): Stanford UP, 1990.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva (Aesthetics of verbal creativity) М., 1979.

2. Bahtin M. M. Avtor i geroj v ehsteticheskoy deyatelnosti \ Bahtin M. M. Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk (Author and Hero in Aesthetic Activity) SPb., 2000.

3. Bahtin M. M. K filosofii postupka. (By the philosophy of the act) Filosofiya i sociologiya nauki i tekhniki Ezhegodnik. 1984 -1985 М., 1986.

4. Bahtin M. M. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk (By the philosophical foundations of the humanities) \ Bahtin M. M. Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk SPb., 2000.

5. Bahtin M. M. Problema teksta (The problem of text) \\ Bahtin M. M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb., 2000.
6. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. (Problems of Dostoevsky's Poetics) M., 1979.
7. Bibler V. S. Bahtin i vseobshchnost gumanitarnogo myshleniya v kakom rechevom zhanre myslil M. M. Bahtin. (Bakhtin and the universality of humanitarian thinking (in which " speech genres " thought M.M. Bakhtin)) Mekhanizmy kultury M., 1990.
8. Bibler V. S. Dialog. Soznanie. Kultura. (Ideya kultury v rabotah M. M. Bahtina). (Conversation . Consciousness . Culture: (The idea of culture in the works of Bakhtin)) Odissej. M., 1989. P. 21-59.
9. Buber M. Dva obraza very. (Two way of faith) M., Respublika. 1995.
10. Volkova E. V. Orudzhaeva S. Z. Tona i obertona sereznogo v filosofii M. Bahtina. (Tone and overtone serious philosophy Bakhtin)Voprosy filosofii. M., 2000. №1. P. 102-118.
11. Gadamer G. G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. (Truth and Method : The Basics of philosophical hermeneutics) Per s nem Obshch red i vstup st B. N. Bessonova. M. 1988.
12. Mahlin V. L. YA i Drugoj istoki filosofii dialoga. (I and others (the origins of the philosophy of "dialogue" of the twentieth century)) HKH veka SPb. 1995. S. 115-128.
13. Hajdegger M. Pismo o gumanizme. (Letter on Humanism) Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M. 1995.
14. Gary Saul Morson and Caril Emerson Mikhail Bakhtin Creation of a Prosaics Stanford SH Calif Stanford. UP. 1990.

*ONTOLOGICAL STATUS DIALOGUE IN THE CONCEPT OF PROBLEMS
UNDERSTANDING M.M. BAKHTIN*

I.A. APOLLONOV, I.A. CHISTILINA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072;
e-mail: obligo@yandex.ru, irina_chistilina@mail.ru*

The article presents the results of a theoretical understanding of the problem of the ontological status of dialogue in understanding the concept of M.M. Bakhtin. The essence of the problem is to find a thinker being as no one gigantic space of endless questionings and comments, boundless self-revelation of life. The problem compounds the "world of life" and "world culture."

It is shown that the idea of dialogic, open Russian thinker in Dostoevsky, is under a deep ontological roots in the philosophy of M.M. Bakhtin. In "To the philosophy of the act" becoming the flow of life, participants consistently demonstrated effective experience. Being full of "hailed". Hence, the direct movement of thought to the idea of dialogue and polyphony, the entire system of other concepts that arise in the analysis of the poetics of genres, aesthetics of verbal creativity, the world of culture.

Opened the closeness of ideas of the Russian thinker and western hermeneutic. It is shown that the dialogue within the meaning of M.M. Bakhtin - it's very being, and the ethical law and the ideal sample values and a model of language and society.

Key words: ontology, the dialogue, the problem of understanding, hermeneutics, "being-event."